

На правах рукописи

ЛИДЖИЕВА Анна Сергеевна

**Семантика соматизмов в составе фразеологизмов
(на материале калмыцкого языка и языка ойратов Китая)**

Специальность: 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(калмыцкий язык)

Автореферат
диссертации на соискание
учёной степени кандидата филологических наук

Москва

2022

Работа выполнена на кафедре калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».

Научный руководитель: **Мушаев Владимир Наранович,**
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой калмыцкого языка,
монголистики и алтаистики ФГБОУВО
«КалмГУ им. Б.Б. Городовикова»

Официальные оппоненты: **Харанутова Дарима Шагдуровна,**
доктор филологических наук, профессор,
доцент кафедры русского языка и общего
языкознания Института филологии,
иностранных языков и массовых
коммуникаций ФГБОУ ВО «Бурятский
государственный университет
им. Д. Банзарова».

Намжавин Содмон Намжавинович,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры восточных языков Института
иностранных языков ФГБОУ ВО
«Московский педагогический
государственный университет»

Ведущая организация: ФГБУН «Калмыцкий научный центр
РАН»

Защита диссертации состоится «23» июня 2022 г. в 13:00 на заседании диссертационного совета Д 002.006.01 при ФГБУН Институт языкознания РАН по адресу: 129009, Москва, Большой Кисловский пер.1 стр.1, конференц-зал. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБУН Институт языкознания РАН: https://iling-ran.ru/web/ru/theses/lidzhieva_2022

Автореферат разослан «___» _____ 2022 г.

Ученый секретарь диссертационного
совета, кандидат филологических наук

Е.М. Девяткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современные исследования по фразеологии связаны в первую очередь с изучением состава, семантики, структуры и особенностей функционирования фразеологических единиц (ФЕ), их экспрессивных и оценочных характеристик. По-прежнему актуальным остается вопрос о самом понятии фразеологической единицы, ее соотношении со словом и другими смежными единицами.

Фразеологические единицы – это средства образного отражения окружающего мира, вобравшие в себя культурные, религиозные и иные представления этноса. ФЕ придают особую эмоциональную окраску устной речи, обогащают выразительность языка фольклорных произведений и художественной литературы. Их роль в качестве стилистического средства очень велика.

Особый интерес представляют соматические фразеологические единицы (СФЕ), которые содержат лексемы, обозначающие части тела человека или животного. Лингвисты стали изучать соматизмы (наименование происходит от греч. *soma* – тело) лишь в конце XX – начале XXI веков. Высокая продуктивность соматической лексики в составе фразеологизмов определяется непосредственно онтогенетическими свойствами частей тела.

Актуальность темы исследования обусловлена следующими причинами:

- во-первых, важностью комплексного изучения соматической фразеологии калмыцкого языка и языка ойратов Китая в лексико-семантическом аспекте;

- во-вторых, неизученностью проблемы национально-культурного своеобразия фразеологизмов с компонентом «части тела», поскольку их изучение на материале калмыцкого языка ранее носило лишь фрагментарный характер;

- в-третьих, вопрос о соотношении паремиологии и фразеологии до сих пор остается открытым.

В связи с этим в данной работе предпринята попытка систематизировать и описать соматические фразеологизмы в лексико-семантическом и отчасти лингвокультурологическом аспектах, а также рассмотреть спектр переносных значений отдельных языковых единиц, связанных с обозначением частей тела в калмыцком языке и близкородственном языке ойратов Китая. Анализ соматических фразеологизмов отражает современное состояние языка, расширяет диапазон лингвистического изучения данных единиц в калмыцком языкознании и монголистике в целом.

Объектом исследования являются соматические фразеологические единицы калмыцкого языка и языка ойратов Китая.

Предмет исследования – этнолингвистические особенности фразеологических единиц калмыцкого языка с компонентом-соматизмом как источник информации о национально-культурных особенностях языковой картины мира калмыков, а также специфика реализации полисемии в соматической фразеологии калмыцкого языка и языка ойратов Китая.

Цель исследования – семасиологический анализ слов, обозначающих части тела и являющихся компонентами фразеологических единиц. В соответствии с поставленной целью в диссертации решаются следующие задачи:

- выявление и систематизация слов-соматизмов в составе фразеологизмов;
- описание структурно-семантических типов фразеологизмов, в состав которых входят названия частей тела;
- освещение этнолингвистических и лингвокультурологических особенностей фразеологических единиц с компонентами-соматизмами;
- семасиологический анализ компонентов-соматизмов в составе фразеологизмов.

Согласно выдвигаемой в данной работе **гипотезе**, основной пласт СФЕ калмыцкого языка является базовым в отражении картины мира калмыков. Все паремии и фразеологизмы определяют эмотивное отношение человека к тому, что он говорит, как он воспринимает предметы, вещи и явления реального мира. Нельзя также не учитывать случаи варьирования исследуемых единиц под влиянием русского и китайского языков, т.е. связанные с ареалами межъязыкового взаимодействия. В связи с чем наблюдаются и территориальные особенности языка. Это обусловлено тем, что представители данного этноса воспринимали реалии настоящего времени через призму соматических онимов. Соматические фразеологизмы в свою очередь обладают высоким потенциалом метонимии и метафоризации.

На защиту выносятся следующие положения:

– соматические фразеологические единицы являются своеобразным культурным кодом, который актуализируется при категоризации окружающего мира. Данный культурный код участвует в описании различных сфер жизнедеятельности человека. Носитель языка воспринимает окружающий мир через проецирование структуры собственного тела и его функций;

– полисемантизм соматических фразеологизмов калмыцкого языка связан с особенностями концептуализации топографических и функциональных свойств частей тела;

– фразеология калмыцкого языка отражает различные способы моделирования окружающей среды, характерные для данного этноса;

– соматизмы активно участвуют в образовании фразеологизмов, поскольку человек является частью окружающей среды;

– фразеологические единицы с компонентом-соматизмом являются ярким образным средством выразительности калмыцкого языка.

Теоретико-методологической базой исследования являются труды по общей и русской фразеологии Ш. Балли, В.В. Виноградова, С.И. Ожегова, Н.М. Шанского, А.М. Бабкина, В.Н. Телия, В.П. Жукова, В.А. Маслова,

С.Г. Воркачева и др.; труды по фразеологии монгольских языков – Т.А. Бертагаева, Г.Ц. Пюрбеева, Э.Ч. Бардаева, В.Н. Мушаева, Ц.Б. Будаева, Ш.-Н.Р. Цыденжапова, Т.Б. Тагаровой, А.Д. Дармаевой.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в разработке и конкретизации общих положений теории языковой картины мира на материале калмыцкого языка и языка ойратов Китая. Данное исследование будет способствовать расширению сравнительно-типологического изучения семантической структуры ФЕ калмыцкого и других монгольских языков. Полученные результаты могут применяться при изучении лексики и фразеологии калмыцкого языка, а также в лингвокультурологии.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут использоваться при составлении фразеологических, толковых и лингвокультурологических словарей, при разработке специальных курсов по лексикологии, лексикографии и фразеологии калмыцкого языка, при составлении учебных пособий. Исследование позволит создать методику описания ФЕ с компонентом-соматизмом с учетом особенностей национального менталитета и мировосприятия. Полученные результаты имеют особое значение для преподавания калмыцкого языка в школе и в вузе, для теории и практики национальной лексикографии, фразеологии и стилистики.

Методы и подходы исследования. Цель и поставленные в диссертации задачи обусловили использование следующих методов исследования: метод сплошной выборки, компонентного анализа, описательный, количественно-статистический, сравнительно-типологический, классификационный и дистрибутивный методы. В диссертации используется комплексный (лексико-семантический) подход, позволяющий оценить значимость познания мира через части человеческого тела.

Материал исследования. Основной базой исследования является картотека соматических фразеологических единиц калмыцкого языка, выделенных методом сплошной выборки из сборника «Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая», монографии Б.Х. Тодаевой «Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар», лексикографических источников, фольклора и произведений калмыцкой литературы. С целью сопоставления к анализу привлекается соматическая лексика и фразеология из синьцзянской и калмыцкой версий героического эпоса «Джангар».

Апробация результатов диссертационного исследования. Результаты работы были апробированы на следующих научных конференциях регионального, российского и международного уровней:

III Международная научно-практическая конференция «Язык, культура и межкультурная коммуникация» (г. Ховд, Монголия, 2012); Международная научная конференция, посвященная 80-летию доктора филологических наук, проф. О.Д. Бухаевой (Улан-Удэ, 2012); Международный конгресс «Фольклор монгольских народов: историческая действительность» (Элиста, 2013); XX Международная конференция, посвященная проблемам общественных наук (Москва, 2014); Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики», посвященная юбилею профессора КалмГУ В.И. Рассадина (Элиста, 2014), Международная научно-практическая конференция, посвященная 75-летию Исык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова «Гармонизация в современных условиях глобализации и интеграции» (г. Каракол, Киргизия, 2015); II региональная научно-методическая конференция (Городовиковск, Калмыкия, 2014).

Отдельные положения диссертации нашли отражение в сборниках научных трудов: «Россия-Монголия: культурная самобытность монголоязычных народов» (Элиста, 2013); «Монголоязычные народы:

культура, традиции, история» (Элиста, 2015), Российско-монгольский лингвистический сборник (Москва, 2015).

По теме диссертации опубликовано 17 работ, четыре из которых – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Общий объем публикаций составляет 4,4 п.л.

Объем и структура работы. Общий объем работы составляет 262 страницы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка использованной литературы и приложения. Библиографический указатель включает 210 наименований, в том числе 8 на калмыцком и монгольском языках. Работа иллюстрирована 12 рисунками и 2 таблицами.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, определены объект и предмет исследования, сформулированы цели и задачи, указывается методологическая база исследования, аргументируется выдвигаемая гипотеза, ее теоретическая и практическая значимость, изложены положения, выносимые на защиту, описана структура диссертации, дается информация об апробации положений исследования.

Первая глава **«Фразеология как лингвистическая дисциплина»** состоит из трех разделов. В разделе 1.1. **«Базовое понятие и определение фразеологической единицы»** излагаются теоретические основы фразеологии, характеризуется понятийно-терминологический аппарат исследования, определяются границы фразеологии в отечественном языкознании. Рассматриваются точки зрения на сущность фразеологической единицы.

Фразеологические единицы являются объектом внимания лингвистов на протяжении многих лет. «Крылатые слова», идиомы, афоризмы, пословицы и поговорки или паремии, устойчивые выражения и т.д. описываются в специальных сборниках, толковых словарях с конца XVIII века.

Возникновение фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины в отечественном языкознании можно отнести к середине 1940-х годов XX века. На основе исследований академика В.В. Виноградова была создана база для комплексного изучения устойчивых выражений и слов в языке. Однако до сих пор не совсем четко определены предмет, задачи, объем и методы изучения фразеологии. Мнения лингвистов расходятся в вопросе о сущности ФЕ. Одни ученые (В.П. Жуков, В.Н. Телия, Н.М. Шанский и др.) относят к фразеологизмам устойчивые сочетания, другие (например, Н.Н. Амосова, А.М. Бабкин, А.И. Смирницкий) – исключительно определенные группы ФЕ.

Недостаточно исследованы вопросы об основных особенностях фразеологических единиц, их классификации, соотношении фразеологизмов с частями речи и т.д. Нет единого мнения, уточняющего понятие фразеологизма, его свойств и признаков. В науке существуют разные взгляды на предмет фразеологии – «узкий» и «широкий»:

а) в «широком» понимании фразеология состоит из словосочетаний, которые полностью переосмысливаются, и словосочетаний, в составе которых имеются не переосмысленные слова-компоненты (О.С. Ахманова, Н.М. Шанский, В.Л. Архангельский, Р.Н. Попов, А.В. Кунин, И.И. Чернышев);

б) в «узком» – фразеология включает в свой состав лишь словосочетания, которые переосмыслены до конца (В.П. Жуков, А.И. Молотков, Н.Н. Амосова, С.И. Ожегов, Е.А. Иванникова). В этих случаях условный характер фразеологической единицы и лексемный характер ее компонентов не ставятся под сомнение данными исследователями. ФЕ изучают как контаминацию признаков слова и идиомы, обращается внимание на омонимичность ФЕ и схожего с ней по структуре словосочетания.

На наш взгляд, фразеологические единицы необходимо рассматривать в «широком» плане, поскольку было бы ошибочно исключить из изучения фразеологического состава языка образования, которые передают суть явления и переходят от свободного к метафорическому словосочетанию.

Неоднородность структурных признаков ФЕ можно объяснить тем, что фразеология объединяет разнообразный языковой материал, границы которого не имеют четких очертаний. Многие вопросы, касающиеся стилистических функций ФЕ и проблем общей фразеологии, требуют дальнейшего изучения.

Раздел 1.2. «Современные подходы к изучению фразеологических образований» посвящен вопросам соотношения языка и культуры этноса,

перспективам лингвокультурологии, рассмотрены аспекты исследования соматической фразеологии.

Соматические фразеологические единицы стали предметом пристального внимания исследователей сравнительно недавно – в конце XX – начале XXI веков. В лингвистику термин «соматический» впервые ввел Ф.О. Вакк (в финноугроведении), который пришел к выводу, что соматическая лексика является древнейшим пластом фразеологии и составляет наиболее продуктивную часть фразеологических единиц языка [Вакк 1964: 23]. Это произошло с пониманием того, что нельзя изучать язык в отрыве от его носителя. Соматическая лексика – это результат познания окружающей действительности через части собственного тела.

Соматизмы наиболее часто становятся объектом изучения в сравнительно-исторических и лингвокультурологических трудах отечественных и зарубежных исследователей. Ученые, как правило, выделяют соматические ФЕ в качестве первой в лексико-семантической системе языка. Соматизмы можно охарактеризовать как имена существительные, обозначающие части тела человека или животного. Фразеологическая единица с компонентом-соматизмом – это фразеологизм, заключающий в своем составе внешние части тела (голова, лоб, нос, рука) и внутренние (кровь, сердце, суставы, жир, почки и др.).

Исследователи соматической лексики обращают внимание на процесс осознания себя как личности. На первый план выходят ощущения, которые возникают с помощью органов чувств и частей тела. По мнению В. Гака, «человек является существом эгоцентричным, считающим себя центральной фигурой во вселенной. Поэтому он воспринимает мир согласно своему подобию» [Гак 1998: 702].

ФЕ с компонентом-соматизмом содержат в своем составе названия как внешних частей тела голова (*лоб, нос, рука*), так и внутренних (*кровь, сердце, суставы, жир, почки* и др.). Соматизмы относятся к высокопродуктивной лексике, они возникают в речи спонтанно, независимо друг от друга, т.к.

имеют общую основу в познании человеком самого себя через собственный организм. Все физические и психические особенности отражаются через соматическую лексику. Переносные значения данных слов ощущаются в семантике СФЕ, однако при этом важную роль играют их первичные прямые значения.

В основе обыденного мышления лежит метафорический принцип, поскольку метафоры являются познавательным инструментом, способом кодирования информации. В монгольской фразеологии к ним можно применить классификацию Н.Д. Арутюновой: 1. номинативные метафоры, состоящие в замене одного дескриптивного значения другим и служащие источником омонимии; 2. образные, служащие развитию фигуральных значений и синонимических средства языка; 3. когнитивные метафоры, возникающие в результате сдвига в сочетаемости предикатных слов (переноса значения) и создающие полисемию; 4. генерализующие метафоры (как конечный результат когнитивной метафоры), стирающие в лексическом значении слова границы между логическими порядками и стимулирующие возникновение логической полисемии [Кульганек 2017: 71].

Соматические фразеологизмы относят к высокочастотной зоне лексического состава любого языка как наиболее древнему пласту. Переносные значения данных слов ощущаются в семантике соматических фразеологизмов, но при этом важную роль играют их первичные прямые значения. Таким образом, соматизмы используются не только в прямом смысле, они имеют символический характер. Все это позволяет определить культурно-исторические коннотации семантической структуры исследуемого языка.

1.3. «Фразеологические единицы и аспекты многозначности в калмыцком языке». Говоря о многозначности, считаем необходимым подробнее остановиться на базовых подходах к данной многоаспектной проблематике.

Язык как система характеризуется способностью непрерывно развиваться. Благодаря этому происходят изменения в структуре и семантике языковых единиц на разных уровнях системы языка, в том числе и лексическом. Это относится и к такому процессу как многозначность. Многозначность (полисемия) – это наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, как правило возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения слова. Ф. де Соссюр и Э. Бенвенист отмечали, что в речевой деятельности в процессе функционирования языковой знак может приобретать несколько значений. То есть знак является многофункциональным несмотря на то, что его осмысление – актуализация компонентов сигматической структуры.

Во-первых, значение слова может являться результатом расширения исходной семантики и ее суждения. Одна из особенностей многозначности – ассоциативное мышление, объединяющее, например, родственников: *баз* 1. свояки, мужья родных сестер (муж самой старшей сестры, жена старшего брата), 2. невестка (жена родного брата/братьев).

Во-вторых, многозначность – взаимосвязанные между собой варианты слов, объединенные одним базовым значением, доминантой: *шу*: 1. лучевая кость, 2. стержень, 3. частица пригл. *шу цокх* (разбить), 4. трещина (в кости); *эки*: 1. мозг, 2. ядро, сердцевина, 3. семя, семена, 4. начало, источник, 5. тесто.

Наиболее частотный способ образования полисемии – метафорический перенос. Так, языковая картина мира калмыков отражает бесспорные и функционально непосредственные связи: *зөг* – пчела, острый, жало.

Если говорить о многозначности в отношении СФЕ, то необходимо отметить, что калмыцким СФЕ свойственно не более двух значений – первичное, номинативное и образное, фигурально-переносное. А фразеологизмы, в которых упоминаются внутренние органы, как правило, передают переживания и внутреннее состояние человека. В целом полисемия в монгольских языках более ограничена, чем в лексике, т.к. устойчивые

обороты и пословично-поговорочная лексика не обладает многозначностью, несмотря на то, что семантические оттенки последних достаточно ощутимы в контексте.

Раздел 1.4. **«Фразеология и паремиология»** рассматривает «широкий» и «узкий» взгляды на фразеологию. Под фразеологизмом подразумевается общее название семантически связанных слов и предложений, которые не производятся в речи в фиксированном отношении семантической структуры и лексико-грамматического состава.

Пословицу называют устойчиво воспроизводимым афоризмом фольклорного происхождения с образной и безобразной структурой значения, которая характеризуется эквивалентностью суждения.

Поговорка – устойчивое выражение, не эквивалентное суждению, обладающее семантической независимостью от внешнего контекста. Ее функция – украшать и разнообразить речь [Алефиренко 2018: 248].

Паремии являются особыми единицами и знаками языка, необходимыми элементами общения, передающими специфическую информацию, обозначающую жизненные ситуации, взаимоотношения между объектами. Пословицы, поговорки и фразеологизмы отличаются своими семантическими, структурными и функциональными особенностями. Они близки, однако имеют принципиальные различия.

В разделе 1.5. **«Фразеология монгольских языков: история изучения, современное состояние и проблемы»** описываются различные аспекты калмыцкой фразеологии. В монголоведении первой значительной работой, в которой изучается лексика и фразеология монгольских языков в сравнительно-сопоставительном плане, является докторская диссертация Т.А. Бертагаева [Бертагаев 1947]. Ученый впервые в монголоведении выделил устойчивые ФЕ как совершенно новый объект изучения, проанализировал ФЕ с точки зрения их семантики, лексического состава, стилистических особенностей, дал их классификацию. Т.А. Бертагаев

разделил ФЕ на две группы: фразеологические сочетания и фразеологические речения (пословицы, поговорки).

Г.Ц. Пюрбеев на примере глагольных ФЕ монгольских языков рассмотрел вопросы, связанные с семантикой, объемом и структурой глагольных фразеологизмов. Э.Ч. Бардаев анализировал типы значений слов, диалектную и терминологическую лексику, стилистические пласты, рассмотрел фразеологическую систему калмыцкого языка. Т.А. Бертагаев, Ц.Б. Будаев, Ш.-Н.Р. Цыденжапов, А.Д. Дармаева изучали фразеологию в «широком» понимании. У.-Ж.Ш. Дондуков придерживается «узкого» взгляда. Т.Б. Тагарова определяет ФЕ как готовую речезыковую структуру, которая воспроизводится в национальном языковом восприятии в готовом виде. В.Н. Мушаев в работе «Фразеологические сочетания современного калмыцкого языка» характеризует фразеологизмы со стороны структуры, значения, образования, сферы употребления и активности-пассивности.

Большая часть фразеологизмов монгольских языков совпадает по структуре, образности и по смыслу, особенно соматические фразеологические единицы. Существуют два структурно-семантических типа ФЕ: фраземы, которые характеризуются переносным значением одного компонента, и идиомы с семантически измененными компонентами. Грамматическая структура идиом и фразем схожа с застывшей структурой переменного сочетания слов. Идиоматические и фразеологические сочетания разделяются на глагольные и именные единицы. Причем преобладают первые из них. Это объясняется тем, что в монгольских языках большая часть сочетаний номинируется именно глагольными единицами.

1.6. Понятия «внешнее / внутреннее». В современной лингвистике неоднократно предпринимались попытки описать, как человек отражается в языке. Некоторые исследователи представляют образ человека в виде текста как «готового» продукта, который сложился и зафиксировался в лексеме, в целом в лексике языка [Стемковская 2000: 85-86].

Если представлять человека в виде текста, можно сформировать образ как знаковую систему. Тогда у человека как у знака есть означаемое и означающее, связанные конвенциональным характером. В языке эти два понятия в проекции на человеческий организм отражаются в образе «внешнего» и «внутреннего человека». Данные понятия используются представителями логического направления в языкознании (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова, В.В. Красных), при этом являясь условными, поскольку подразумевают объект в целом. Из разработок на материале конкретных языков по данной тематике мы выделяем подходы, использованные в кандидатской диссертации М.Г. Букуловой на материале турецкого языка [Букулова 2006].

«Внешний» образ человека является частью «целостного» представления о нем и противопоставляется «внутреннему». Оба они в сопоставлении друг с другом, тем не менее, составляют сущность одного человека.

Во второй главе **«Образ человека в калмыцкой и ойратской языковой картине мира»** описывается отражение феномена человека в языке. Образ человека формируется только на основании языковых данных, а картина мира может являться мотивированной тогда, когда образ объекта подтверждается большой совокупностью фактов, что позволяет создать цельный образ. Исследование языковой картины мира следует начинать с изучения отдельных характерных для данного языка лингвокультурных концептов и с реконструкции «наивного» взгляда на окружающую действительность.

Раздел 2.1. **«Характеристика образа «внешнего» человека в лингвокультуре калмыков».** «Внешний» образ можно составить благодаря восприятию, а «внутренний» проявляется именно через внешнее поведение.

По мнению Н.Д. Арутюновой, сопоставление внутреннего мира с «телесными воплощениями» обуславливается тем, что моделирование внутреннего мира совершается со сравнением внешнего, окружающей

действительности, и соматизмы способны как бы отражать движения души [Арутюнова 1976: 95, Ортега-и-Гассет 2003: 230].

Термин «внешнее», согласно Философскому словарю, отражает свойства целостного предмета, его взаимодействие с окружающим миром, «внутреннее» дает представление о строении предмета, его составе, структуре и связи между составляющими. Поскольку внешнее находится непосредственно на поверхности и обнаруживается в первую очередь, то оно передает связи и свойства предмета, зафиксированные через сенсорные ощущения и в эмпирическом знании; внутреннее, наоборот, не доступно для наблюдения, поэтому его выявляют через теоретическое исследование, т.е. через так называемые «ненаблюдаемые сущности».

Таким образом, исследование «внешнего» образа происходит через чувственно-наглядный способ, а состояние души говорит об исследовании «внутреннего» мира с помощью мышления как результата систематизации информации, полученной через познание.

В первую очередь человек воспринимает окружающим мир через глаза, с помощью зрения, поэтому внешность человека имеет первостепенное значение во фразеологии. Понятие **привлекательности** в калмыцком языке занимает **меньшую часть** семантического пространства фразеологизмов с компонентами-соматизмами, представители данного этноса акцентируют в основном внимание на **непривлекательности** или отрицательных качествах характера человека: *эдгх уга өвчн үкснэс деер, эд болшуга эмиг геесн* деер (неизлечимая болезнь лучше, чем смерть, неисправимую женщину лучше оставить) [ППЗ 2007: 423]. Поэтому СФЕ, описывающие семантическое поле внешней красоты женщины и мужчины, практически отсутствуют.

Женская привлекательность ассоциируется в языке с красным цветом: *сэн эмин хачрнь улан* (у хорошей женщины щеки красные) [ППЗ 2007: 29]. Но, тем не менее, настоящая привлекательность заключается не во внешней красоте, а во внутренних качествах. В целом женщина в понимании калмыков имеет второстепенное значение: *мордсн куүнд төркн туслдг уга,*

унх шүднд бүүль туслдг уга (замужней дочери родственники не помогут, а зубам, которым суждено выпасть – десны не помогут) [ППЗ 2007: 67]. Часто говорится об ограниченном уме женщины: *күүкд күүнэ үснь ум болв чигн ухань ахр* (хотя у женщины волосы длинные, но ум короток) [ППЗ 2007: 30].

Упоминания в калмыцком языке **о мужской внешности** практически отсутствуют. Мужчину оценивают за силу, стойкость и другие качества: *залу күүнэ үүл тавг дорнь* (судьба (действия) мужчины под его ступнями) [ППЗ 2007: 26]. Сообразительность, внимательность, ум и жизненная активность являются составляющими счастливой и обеспеченной жизни.

В целом человека могут украшать лицо и глаза, которые являются зеркалом души, внутренних качеств. Положительный или отрицательный взгляд сравнивается с чем-то светлым и высоким: *олни нүдн одта адл* (общественное мнение подобно свету звезд) [ППЗ 2007: 338]. Главное в человеке – это чистые помыслы, светлая душа: *цаһан седклтэ күүнд хаалһнь кезэ чигн секэтэ* (у человека с чистыми помыслами путь всегда открыт) [ППЗ 2007: 237].

С внешностью в первую очередь связано **лицо** как самая выразительная часть тела, которое может быть украшением человека: *эмдин чирэ – алтн, үкснэ чирэ – үмси* (лицо живого как золото, лицо мертвого – зола) [КЗП 1905: 89]. Чувства, эмоции отражаются на лице с помощью улыбки или хмурого взгляда.

Примеры **ФЕ с компонентами-соматизмами, указывающие на цвет**, единичны. Есть упоминание о красном, белом и черном цветах. Паремия *үсн цаһав, ухан немгдсн уга* (волосы поседели, а ума не прибавилось) [ППЗ 2007: 223] говорит о старости, но не о мудрости. С цветом волос связаны и переживания человека, его внутреннее состояние: *үни йоввл, үсн цээдг, худл йоввл, ясн цээдг* (если жить по правде – волосы поседеют, если жить по лжи – кости побелеют) [ППЗ 2007: 404]. Пояснение может быть следующее: если всё время обманывать, то можно за это понести наказание – потерять жизнь. А тот, кто живет честно, доживает до старости.

Черный цвет служит в качестве лексической номинации чего-то негативного или незначительного, пустого: *хэлэвл хар нүдтэ, хатхвл хар зусн* (на взгляд – будто черные глаза, если коснуться – черная вязкая жидкость) [ППЗ 2007: 341]. Между тем данный цвет не всегда имеет отрицательную семантику: *хар нульмсн* (горькие (чистые) слезы, букв. черные слезы) [ХҮТ 2019: 223]; *хар чеежлэрни гүвдлх (ноолдх)* – мучиться, терзаться букв. бороться с чистой (черной) своей совестью [ХҮТ 2019: 226].

Красный цвет имеет не только традиционно значение «красивый», в СФЕ этот цвет выражает агрессию, злобу или жадность: *мөңгн цаһан, нүдн улан* (деньги серебряные, глаза красные) [ППЗ 2007: 201], *улан хоолан сунтл хэжрх* (кричать во всё красное горло) [ХҮТ 1990: 95]. Слово красный служит и для усиления объекта или действия: *улан махмудтан күрх* (обнищать) [ХҮТ 1990: 95], *улан чирэһэн үзх* (встретиться раскрасневшимся лицом к лицу) [ХҮТ 1990: 95].

Таким образом, в описании внешности участвуют следующие компоненты:

А) глаза: *Залынь күүнэ нүд авлм сээхн: зусн-зүүлин өңг харч солһитрад, күүнэ нүднд эралжлад бээнэ.* – Бембин Т. (очаровательный, глаз не оторвать) [ХҮТ 2019: 147];

Б) портретная номинация: Преимущественно они есть в эпосе «Джангар» - *алг тэрн нүднь аньлдад* (закрывались его большие чарующие глаза) [Тодаева 1976: 189];

В) лицо: *эмдин чирэ – алтн, үкснэ чирэ – үмсн* (лицо живого словно золото, лицо мертвого словно зола) [ППЗ 2007: 92];

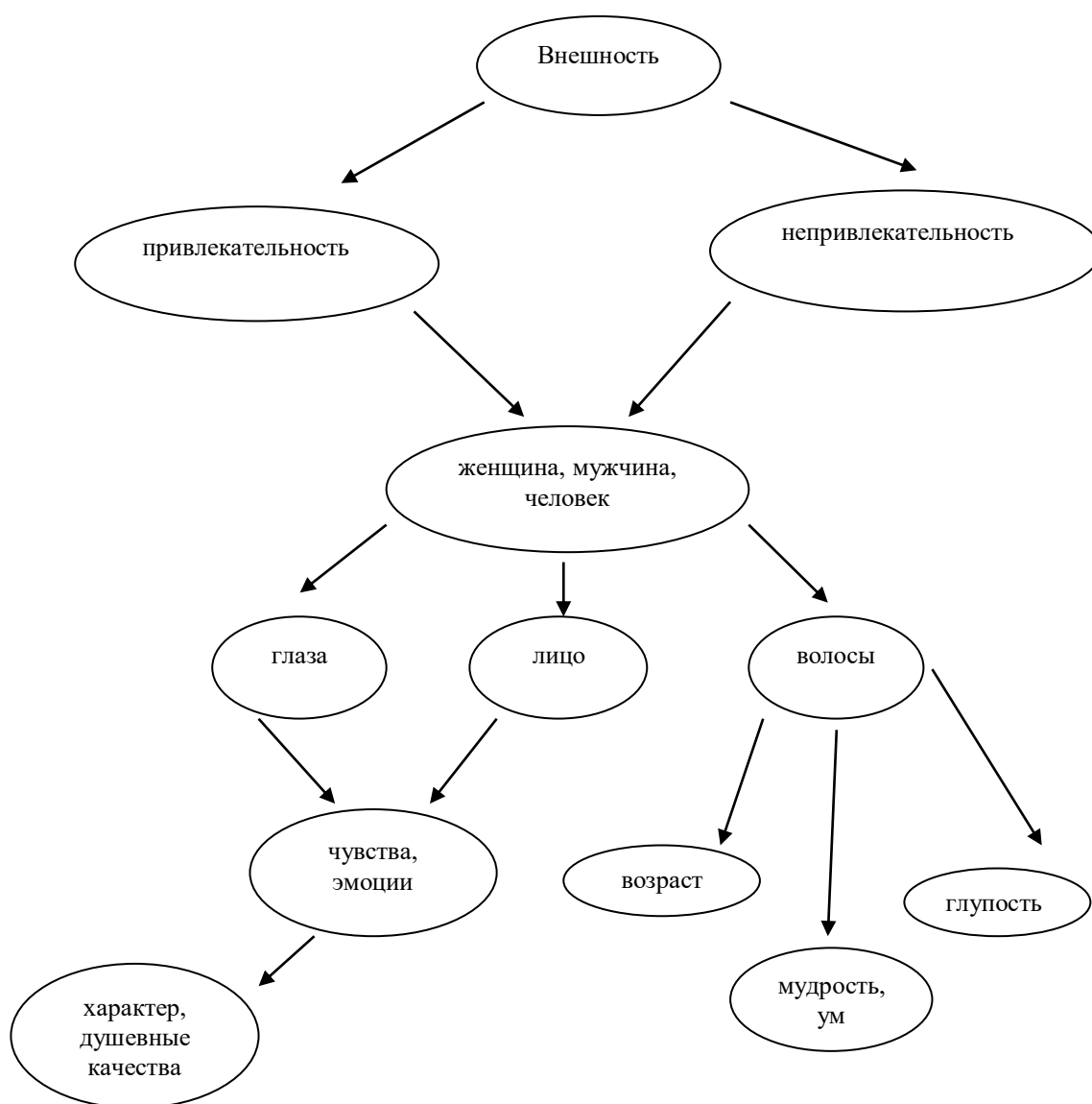
Г) в описании внешности участвуют цветовые характеристики: *үсн цаһав, ухан немгдсн уга* (волосы поседели, а ума не прибавилось) [ППЗ 2007: 223].

Привлекательность человека в калмыцкой культуре не зависит от внешней красоты. Прежде всего играют важную роль внутренние качества, характер. «Внешний» человек является коммуникативно-экспрессивным

образом. В описании его наружности отражается его внутренний мир, основанный на национальном, психоэмоциональном, личностном и интеллектуальном мировосприятии. А внутренний мир, настроение отражается на внешности.

В целом понятия «внешний» и «внутренний» человек тесно взаимосвязаны, одно противопоставляется другому, являясь при этом единым образом. «Внутренний» постигается через «внешний».

Внешность можно представить в виде следующей схемы:

В разделе 2.2. «Характеристика образа «внутреннего» человека в калмыцкой лингвокультуре» рассматривается структура «внутреннего» человека. Внутренний мир человека заключен в душе, сердце, в мыслях и чувствах. «Внутренний» человек в отличие от «внешнего» недоступен для наблюдения, он скрыт от чужого глаза. Информация о внутреннем состоянии прослеживается через концепты языковых единиц.

В структуру «внутреннего» человека включаются эмоции, характер, личностные качества человека (ум, глупость, высокомерие) и т.д. Соматическая лексика калмыцкого языка в большей степени отражает недостатки. В фольклоре очень мало примеров, описывающих эмоции (гнев, сожаление, радость и др.).

Личностные качества, характер – неотъемлемая часть структуры «внутреннего» человека. Фразеосемантическое поле состоит из двух групп: одна содержит общую характеристику поля, другая – частные характеристики.

В **общую характеристику** входят личностные качества и черты характера со следующими основными значениями:

– оценка личностных свойств человека, например, неспособность замечать свои недостатки. Такой человек осуждается:

күүнә толһадк өвс үздг, эврәннь толһадк өвр үздг уга (на чужой голове видит соломинку, а на своей не замечает рога) [ППЗ 2007: 115];

– черты характера, отражающиеся во внешности, красоте: *кулгиг нүдәрнь, күүг седкләрнь* (скакуна узнают по глазам, человека с чистой душой – по сердцу) [ППЗ 2007: 236].

Следующая подгруппа содержит другие частные характеристики человека:

– силу воли (трудолюбие, лень): *йовдсн кун яс зуух, кевтсн кун цогцан геех* (кто ходит, тот может поживиться костью, а кто лежит на боку, может умереть с голоду) [ППЗ 2007: 117];

– нравственные характеристики (подлость, хладнокровность): *Тер Егорован төмр зүрктә, киитн нүдтә, сээхн юм үздгө, йосрхг, шаңһа күн болһжәнч?* (Так ты являешься человеком государственным с железным сердцем, холодными глазами, не видящий красивое, властный) – Тачин А. [ХҮТ 2019: 187];

– отношение к другим (болтливость, играть на людях): *олна хургт ахлчин келсн үгәс оньдин тогтурта Нарман уурнь күрәд, бийән бәржә чад луга, амнась көөс цахртл, седклдән бээсэн цуһараһинь келчкв* (всегда спокойный Бадма, разозлившийся от слов начальника, не сдержав себя, с пеной у рта выдал, что было на сердце) [ХҮТ 2019: 117];

– отношение к вещам (алчность, скупость): *гесн цадв чигн, седкл цадх уга* (хотя желудок сытый, но душа не насыщается) [ППЗ 2007: 499], *дурндан хот идәд, гесән татл уга бәәхлә, цогу-маумуд зовдмн* (если есть все, не сдерживая, не умеряя аппетит, то тело мучается) [ХҮТ 2019: 64].

С волевыми качествами связана такая черта характера, как **трудолюбие**. Оно локализуется по представлениям калмыков в руках и ногах: *цецн күүнә – толһад, уяч күүнә – һарт* (талант умного – в голове, талант портного – в руках) [ППЗ 2007: 253]; *ноолдхдан дурта болв чигн һарнь алтн көвүн билә. Дәәнд йир сәәнәр дәәлдсн бәәдлтә. Дөчн негдгч жсил Москван эргнд болсн ик дәәнд орлцад, Улан Туг орденәр ачлгдсн бәәж.* (несмотря на то, что он любил подраться, парень был с золотыми руками, хорошим мастером) - Бадмин А. [ХҮТ 2019: 74].

В калмыцком языке понятие **лени и лености** связано с разными частями тела, в том числе и с волосами: *әрк гивл амни шүлснь һоождг, әжл гивл оран үснь залху* (у них при слове водка слюни текут, при слове работа – волосы на голове не шевельнутся) [ППЗ 2007: 281].

Порядочность, доброта передаются через образы сердца, души: *көк теңгр аһарарн сән, күүкн күн седкләрн сән* (голубое небо красит чистый воздух, девушку украшает душа) [ППЗ 2007: 155]; *мөңг, алт өгснәс миимлзсн*

седкл деер (чем одаривать серебром, золотом, лучше одарить добротой души) [ППЗ 2007: 200].

В структуру «внутреннего» человека входят **интеллектуальные способности**, умственная деятельность. Благодаря своим знаниям, мудрости и уму человек способен мыслить, работать с пользой для себя и окружающих. Ум определяется как способность человека мыслить: *күүнэ кеерул – толһа, толһан кеерул – экн* (человека украшает голова, голову украшает ум) [ППЗ 2007: 400]; *толһата күүнэ үг күләһэд тулжасн улс хоорндан невчкн зуур күүндлв* (с головой, толковый человек) – Нармин М. [ХҮТ 2019: 187].

Умственная деятельность локализуется в голове какместилище мозга. Понятие глупости передается через уши: *көдлмишчнрин комитетин ахлачнь омгнь шантрад, чикинь цокчкн элжгн мет болж одсн күн болна* (дух начальника рабочего комитета деморализовался, он стал человеком подобно ослу, которого ударили по уху) – Дорджин Б. [ХҮТ 2019: 259].

В целом главное в характере человека – его стержень, характер: *му цогциг сэн зөрг чирдг* (слабое тело поддерживает твердый дух) [ППЗ 2007: 450]. Не так важна внешность, как внутренние качества, чистота души и сердца: *нүдн ээмтхэ, зүркн зөргтэ* (глаза трусливы, сердце отважно) [ППЗ 2007: 360].

Главное в человеке – это чистые помыслы, светлая душа: *цаһан седклтэ күүнд хаалһнь кезэ чигн секэтэ* (у человека с чистыми помыслами путь всегда открыт) [ППЗ 2007: 237], *Сииврт дала зовлң үзсн хадм экдэн шин ирсн шулун-шудрмг бер эдл-ахуднь нөкд болад, бүлэн үгэрн седклинь халулв* (повидавшая много горя в Сибири, пришедшая в дом шустрая невестка, помогала свекрови по хозяйству, согревала душу добрыми словами) [ХҮТ 2019: 171].

Также внутреннее состояние человека может проявляться через внешность: *чееждэн байрта, чирэдэн инэмсглтэ* (на сердце и душе – радость, на лице – улыбка) [ППЗ 2007: 166].

Умственная усталость осмысливается через образы головы, ног, которые могут разболеться или устать: *эргү толһа көл амрадг уга* (от дурной головы ногам нет покоя) [ППЗ 2007: 470] – глупец сам себе создает проблемы, хлопоты. Это устойчивое выражение имеет много вариантов.

Базовыми составляющими черт «внутреннего человека» являются:

А) трудолюбие/леность: *залхунь толһа өвдлэ гих, мектэнь амн аңһала гих* (ленивый скажет, что голова разболелась, а хитрый скажет, что пить захотелось) [ППЗ 2007: 507]; *һартан үүлтэ, күнд толһата күүкн* (мастерица, рассудительная девушка) – Бадмин А. [ХҮТ 2019: 75];

Б) порядочность /подлость: *урларн ухр кеһэд, келэрн келдүр кех* (из губ изготавливать ложку, из языка – лопату) [ППЗ 2007: 529], *шовуни өңг өднд, күмни өңг седклд* (красота птицы от перьев, красота человека от души, сердца) [ППЗ 2007: 236];

В) щедрость /жадность: *ховдгин нүдн юмнд цадх уга, үквл шорад цадна* (жадный с ненасытными глазами, после смерти земель насытятся) [ППЗ 2007: 497], *аман аңһасинь өгчкэд, тагчг бээнэвидн* (исполняя все прихоти и желания молча) – Доржин Б. [ХКҮ 2019: 29];

Г) доброта/злоба: *жөөлн нүдэр хэлэх* (относиться доброжелательно, испытывать расположение) [ХКҮ 2019: 91]; *седклин хорсажс келх* (говорить обидные слова) [ХҮТ 2019: 173];

Д) ум/глупость: *нег чикэрнь орад наадкарнь һарх* (в одно ухо входит, в другое – выходит) [ППЗ 2007: 559], *толһань алтн* (умная голова) – Бадмин А. [ХҮТ 2019: 186].

«Внешний» человек является коммуникативно-экспрессивным образом. В описании наружности отражается внутренний мир человека, основанный на национальном, психоэмоциональном, личностном и интеллектуальном мировосприятии. А внутренний мир, настроение отражается на внешности. Так складывается целостный образ человека в калмыцком языке и культуре, устанавливается неразрывная связь «внешнего» и «внутреннего».

В третьей главе «Семасиология соматизмов как компонента фразеологизмов» рассматривается понятие семасиологии как раздела языкознания, изучающего значение (содержание, внутреннюю сторону) языковых единиц [Ахманова 1969: 401]. Анализируются СФЕ (включая паремии) с выделением наиболее частотных компонентов. Методом сплошной выборки было выявлено более тысячи соматических фразеологических единиц. В работе используется 63 лексем-соматизма. Автором сделана классификация по лексико-грамматическому признаку и частотности. Широкое употребление СФЕ обуславливается тем, что части тела являются одним из древнейших слоев в лексике каждого языка, а соматизмы – часть ядра основного словарного фонда. СФЕ в своей основе представляют наблюдения человека, познания окружающей действительности. От важности функций частей тела зависит их продуктивность/непродуктивность, семантическое многообразие и т.д.

Наиболее частотными являются шесть лексем: *толһа* «голова», *нүдн* «глаза», *һар* «руки», *көл* «ноги», *амн* «рот» и *келн* «язык». Проведена классификация калмыцких ФЕ по соматическому признаку:

	<i>толһа</i> голова	<i>келн</i> язык	<i>нүдн</i> глаза	<i>һар</i> руки	<i>көл</i> ноги	<i>амн</i> рот
КОЛ-ВО	67	62	45	41	39	39
%	11,2	10,4	7,6	6,9	6,5	6,5
Итого 49,1 %						

Остальные группы соматизмов являются менее частотными, они составляют менее трех процентов:

	<i>шүдн</i> зубы	<i>ясн</i> кость	<i>күзүн</i> шея	<i>седкл</i> сердце, душа	<i>гесн</i> живот	<i>чирэ</i> лицо	<i>цусн</i> кровь	<i>хурһн</i> пальцы	<i>урл</i> губы
КОЛ-ВО	17	16	15	13	13	13	13	12	12
%	2,8	2,6	2,4	2,1	2,1	2,1	2,1	1,9	1,9
	<i>махн</i> мясо	<i>чикн</i> уши	<i>чееж</i> грудь душа	<i>альхн</i> ладони	<i>зүркн</i> сердце	<i>үсн</i> волосы	<i>өөкн</i> жир	<i>нүр</i> лицо	<i>күмсг/ көмсг</i> брови

КОЛ- ВО	12	11	10	10	9	8	8	7	7
%	1,9	1,8	1,6	1,6	1,4	1,2	1,2	1,1	1,1

СФЕ менее 1 %:

0,6 %	0,5 %	0,4 %	0,2 %	0,1 %
5 ФЕ	4 ФЕ	3 ФЕ	2 ФЕ	1 ФЕ
<i>оошк</i> легкие	<i>маңна</i> лоб	<i>таңна</i> небо	<i>махмуд</i> тело	<i>өскя</i> пятка
<i>һуй</i> бедро	<i>хамр</i> нос	<i>бүүл</i> десна	<i>цогц</i> тело	<i>хол</i> горло
<i>сахл</i> борода	<i>нудрм</i> кулак	<i>хумсн</i> ногти	<i>көкн</i> грудь	<i>халх</i> щека
<i>өвдгц</i> колени	<i>нурһн</i> спина	<i>ужрх</i> утолщенная часть рубца	<i>сү</i> подмышка	<i>кит</i> тонкая кишка
	<i>тоха</i> локоть		<i>сормсг/сурмсг</i> брови	<i>кишлһсн</i> волос
	<i>өргн</i> бодородок		<i>киисн</i> пупок	<i>үй</i> суставы
			<i>арсн</i> кожа	<i>судсн</i> артерия
			<i>хачр</i> щека	<i>сеер</i> хребет
			<i>киим</i> толстая кишка	<i>гишл</i> затылок
			<i>тэкм</i> подколенное сухожилие	<i>нульмсн</i> слезы
			<i>тавг</i> ступня	
			<i>сээр</i> крестец, поясниц	
			<i>бөөр</i> почки, бок	
			<i>эркэ</i> большой палец	
			<i>элкн</i> желудок, печень	
			<i>хавсн</i> ребра	
				Итого 50,9 %

Соматические фразеологические единицы отражают отношение человека к окружающей действительности и другим людям, описывают взаимоотношение людей: *сэн күмни амнас сар нарн харна* (от слов доброго человека светло на душе, букв. исходят солнце и луна) [ППЗ 2007: 347].

Часто ФЕ передают физическое и психоэмоциональное состояние человека, его внутренние переживания: *чееждэн цеертэ, седклдэн килэстэ* (умом понимает, что нельзя, а душой страдает) [ППЗ 2007: 504]; *хээмс минь, эдн басл чеежэр зовжах бээдлтэ* (бедные люди, они, видимо, очень переживают душой) – Тачин А. [ХҮТ 2019: 255].

Соматическая лексика характеризует человека, указывает на умственные и другие способности человека: *харин эрдм күмнд заргдна, чеежин эрдм күм зарна* (умелые руки людям служат, а знания – людьми управляют) [ППЗ 2007: 238]; *уурһар мөр бэрлһн – улан харын күчн, тевчһү сээхн седкл - ухан билгин күчн* (поймать коня укрюком зависит от силы рук, а быть обходительным – от ума зависит) [ППЗ 2007: 221].

Очень важна поддержка окружающих: *дөрэн сур дөрвн болхла кәлд түшән, ах дү дөрвн болхла нүтгт түшән* (если у стремени четыре ремня – поддержка для ног, четыре брата – поддержка для кочевья) [ППЗ 2007: 410].

Человек проводит параллели, сравнивает окружающую действительность со своим организмом. Поэтому чаще всего он использует внешние части тела, то, что он видит. Внешние части тела выступают в качестве своеобразных эталонов при сравнении с окружающими предметами.

При метафорическом употреблении названия одних частей тела выступают как наиболее частотные, например, *кәл* «нога»: *Утнасн, чамас талдан күн терүг (бүрүг) кәл алдулсн уга боллтал* (Утнасн, кроме тебя его (телка) никто не мог отпустить, потерять) – Доржин Б. [ХҮТ 2019: 115]; *йорал уга уснд кәл алддг* (в бездонной глубине ногам не достать дна) [ППЗ 2007: 327];

Шесть наиболее продуктивных соматических фразеологизмов составляют 49,1 процента от общего количества ФЕ.

Внутренние части тела (49 ФЕ) используются реже, вместе они составляют 50,9 процентов соматической лексики – *үсн* «волосы», *хумсн* «ногти»: *мана үзсн тоотыг келэд керг уга. Ода бийнь санад оркхнь, үснэ хуух ирвэтрэд* одна (волосы дыбом встают) – Бадмин А. [ХКУ 2019: 212]; *үнн йоввл, үсн цээдг, худл йоввл, ясн цээдг* (если жить по правде – волосы поседеют, если жить по лжи – кости побелеют) [ППЗ 2007: 404];

чирэ «лицо» - *зуһу күмн нүүрэн бардг, зусг яман өөкэн иддг* (льстивый человек теряет своё лицо, коза-двухлетка – свой жир) [ППЗ 2007: 491]; *жжорад өөкн уга, зуһуд нур уга* (у иноходца нет жира, у льстеца нет лица) [ППЗ 2007: 492]. Есть единичные примеры употребления СФЕ – 15 соматизмов: *үй* «суставы», *халх* «щека», *арсн* «кожа», *кисн* «пупок», *килһсн* «волос» и другие.

Наиболее частотные соматизмы можно квалифицировать как слова с широким смыслом, передающим несколько значений. Продуктивность лексем, обозначающих внешние части тела, объясняется легкостью их переосмысления. Часть соматизмов связана с семантикой эмоционально-психической деятельности человека. Внутреннее состояние и эмоции выражаются в большинстве случаев через лексемы *зуркн* (сердце), *чееж* (грудь). Чувства человека отражают процесс взаимодействия человека с окружающим миром, потому в их основе лежат реакции внутренних и внешних частей тела. В языке это отражается в двустороннем коммуникативном процессе. У человека складывается знание о собственном теле, обладающем определенной символикой.

Большая часть соматизмов имеет несколько символических значений, на основе которых возникает метонимический перенос. Калмыцкая соматическая лексика имеет так называемый «двойной антропоцентризм» (происхождение и функционирование). Таким образом, в калмыцкой фразеологии прослеживается семантическая ориентированность на человека и части его тела в прямом и переносном значениях.

В четвертой главе «Соматические лексемы в героическом эпосе «Джангар» анализируются словарные статьи (421), представленные в монографии Б.Х. Тодаевой «Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар».

Из них выявлены 45 соматических единиц в их 110 словоупотреблениях, которые были ранжированы с точки зрения частотности.

В сказочном сюжете эпоса есть примеры различных превращений богатырей, в том числе и в насекомых. Так, Мингиян с целью маскировки обратился в паука: *бийнь нэамн кэлтэ аралжн болад кевтв* (сам превратился в восьминогую паука и лег) [Тодаева 1976: 219].

Калмыки вели кочевой образ жизни и традиционно занимались разведением скота, поэтому в эпосе много примеров, связанных с мясом животных: *нег бортх эрк, нег кэл мах өгтн* (дайте фляжку вина и одну тушку мяса) [Тодаева 1976: 221]. Богатыри имели оружие, которое носили с собой в сапогах: *наһд шар балт нарнь көлд гилвкгсн* (золотисто желтый бердыш возле ног его сверкал под лучами солнца) [Тодаева 1976: 233]. Здесь лексема *кэл* употребляется в переносном значении и в сочетании *нарнь көлд* означает «под лучами солнца».

Лексема *рот* связана со сказочным существом, которое может проглотить, съесть: *амргин хар цурхин амнд эмдар өгхнь яһднь?* (что если бросить его живьем в пасть заступницы черной щуки?) [Тодаева 1976: 186].

Рот может сравниваться с частью громадного животного: *өрлвэн амн цаһан гер шүдтэ* (белые резцы в пасти, словно открытые клещи) [Тодаева 1976: 232].

Распространенной лексемой является *цусн* «кровь» (9). Это связано с тем, что в эпосе много сцен сражения, схваток богатырей с врагами или многоголовыми мангасами-чудовищами. На поле битвы проливается много крови: *балтиннь шүрүнднь эмд улан цусиг амн хамр хойрарн алд дүңгэ асхад*

һарад одв (жесток был удар бердышом: едет он, и на сажень хлещет алая живая кровь и ртом и носом) [Тодаева 1976: 187].

Есть примеры с названием внутреннего органа человека – *зуркн* (сердце), их всего 4. Значения в основном связаны с эмоциональным состоянием, чувством волнения, восхищения: *болд маля зуркнь ээвлхәһинь гүвдәд бульглев* (сердце его, словно плетть из стали, бьется о грудобрюшную преграду) [Тодаева 1976: 198].

В эпосе «Джангар», как и во фразеологии калмыцкого языка, редко употребляются такие лексемы, как *давсг* (мочевой пузырь): *давсиг экәр дола наам сиичлдәд одв* (нанесли они друг другу семь-восемь ран повыше мочевого пузыря) [Тодаева 1976: 248].

Отметим, что из 110 соматических единиц наиболее продуктивными являются лексемы *амн* «рот» – 9 единиц, *цусн* «кровь» – 9 единиц, *көл* «ноги» – 8 единиц. Соматизмы *альхн* «ладони», *һар* «руки», *зуркн* «сердце, душа», *толһа* «голова» составили по 4 единицы. Остальные 68 лексем являются непродуктивными (менее 3 единиц). Анализ показал, что по частотности одни и те же части тела повторяются и во фразеологии, и в героическом эпосе «Джангар».

В разделе 4.2. **«Наиболее частотные соматические единицы калмыцкой и синьцзянской версий эпоса «Джангар»** сопоставляются две версии героического эпоса. Нами проанализированы вступление и первые шесть песен каждой версии эпоса.

В проведенном сопоставительном анализе соматические фразеологические единицы рассматриваются с точки зрения частотности. Материалом послужила авторская картотека (56 СФЕ в 231 словоупотреблении в калмыцком языке). Анализу подверглись только пять наиболее частотных соматизмов.

Наиболее частотными в калмыцком языке в обеих версиях являются ФЕ с соматизмами *толһа* (голова), *келн* (язык), *нүдн* (глаз), *һар* (рука), *амн* (рот), *көл* (нога), *цусн* (кровь), *күзүн* (шея). Имеются и единичные примеры

употребления соматизмов – *шүдн* (зубы), *нурһн* (спина, позвоночник) и другие.

Проведенный анализ показал, что во фразеологии обеих версий избыточны слова, называющие органы чувств, посредством которых человек воспринимает действительность, познает ее и самого себя в ней. Наиболее частотными соматическими компонентами по фразеологической активности в составе калмыцкого эпоса «Джангар» являются такие лексемы, как *нога, рот, глаза, рука, кровь*, которые в данном исследовании составляют 56% всех соматических фразеологических единиц. Имеются и единичные примеры ФЕ с компонентом «части тела».

Наиболее частотными соматическими компонентами в составе калмыцких фразеологизмов синьцзянской версии эпоса «Джангар» являются лексемы *нога, глаза, рот, шея, голова* - 46% СФЕ. Имеются единичные примеры соматизмов. Причем в обеих версиях эпоса функционируют одинаковые по частотности соматизмы – *нога, глаза, рот*. Это связано с тем, что во фразеологии калмыков, проживающих на разных территориях, нет больших отличий. Однако в синьцзянской версии есть заимствования из китайского языка, в калмыцкой – из русского, что связано с географическим положением, влиянием других культур на язык.

В заключении обобщены результаты и подведены итоги диссертационного исследования:

1. Фразеология калмыцкого языка отражает ментальные особенности его носителей. В значениях ФЕ с компонентами-соматизмами содержатся представления калмыков о картине мира, что проявляется на примере переносных значений лексем, обозначающих части тела.

2. Рассмотренные СФЕ подтверждают метафорическое языковое мышление как способ осмысления и структурирования знаний об окружающем мире. Метафора выступает познавательным инструментом, закодированным понятием в сознании человека. Соматическая лексика

сконцентрирована вокруг названий частей тела, и она отражает традиционное мировосприятие и самовосприятие человека.

3. В традиционном типе калмыка прослеживаются принципы антропоморфности. Представления об интеллектуальных и внутренних свойствах человека, его эмоциях и чувствах отражаются через определенные части тела. «Внутренний» человек во фразеологии моделируется по аналогии с «внешним» человеком.

4. Национально-специфические особенности содержания калмыцкой фразеологии носят общемонгольский характер. Анализ ФЕ с компонентом-соматизмом позволяет говорить об антропоцентричности языка, что объясняется эгоцентричностью человека.

5. В калмыцкой фразеологии отражается кочевой образ жизни предков калмыков, поэтому много примеров, связанных с основным видом их деятельности – скотоводством. В данном отношении язык выступает как хранитель и транслятор культуры.

6. Фразеологические единицы передают отрицательное или положительное отношение, оценочный компонент присутствует преимущественно в каждом устойчивом выражении.

7. Соматизмы – часть ядра основного словарного фонда языка. Их отличает двуплановость (прямой и переносный смысл) и метафоричность. СФЕ в своей основе представляют результат наблюдения традиционного типа калмыка, познания окружающей действительности.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

I. Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК РФ:

1. Лиджиева А.С. К вопросу о частотности соматической фразеологии в калмыцком языке // Научная мысль Кавказа. №4 (72). 2012. – С.125-127.
2. Лиджиева А.С. К вопросу о частотности функционирования названий частей тела в составе соматических фразеологизмов русского и калмыцкого

языков // Вестник Адыгейского государственного университета. №4 (107). 2012. – С.187-191.

3. Лиджиева А.С. Соматические фразеологические единицы в традиционной калмыцкой культуре (на примере лексемы «язык») // Научная мысль Кавказа. №2 (74). 2013. – С.142- 145.
4. Лиджиева А.С. Соматические фразеологические единицы в калмыцкой культуре (на примере лексемы «глаза») // Историческая и социально-образовательная мысль. №3 (19). 2013. – С.154-157.

II. Статьи, опубликованные в сборниках научных трудов:

5. Лиджиева А.С. К вопросу о частотности названий частей тела человека в составе соматической фразеологии калмыцкого языка // Материалы III Международной научно-практической конференции «Язык, культура и межкультурная коммуникация». Монголия, г. Ховд, 2012. – С. 190-195.
6. Лиджиева А.С. К вопросу о частотности соматической фразеологии (на материале национальных версий героического эпоса «Джангар») // Материалы Международного конгресса «Фольклор монгольских народов: историческая действительность». Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2013. – С. 544-551.
7. Лиджиева А.С. Функционирование соматических фразеологических единиц в калмыцком языке (на примере лексем шүдн «зубы» и кәл «ноги, нога») // Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики», посвященная юбилею профессора КалмГУ В.И. Рассадина. Элиста: Издательство КалмГУ, 2014. – С. 261-263.
8. Лиджиева А.С. Соматические фразеологические единицы в калмыцкой культуре (на примере лексемы «амн» - рот) // Межвузовский сборник научных статей «Русская речь в инонациональном окружении». Элиста: Издательство Калмыцкого университета. Вып.7, 2013. – С. 51-57.
9. Лиджиева А.С. Соматические фразеологические единицы в калмыцком языке (на примере лексемы шүдн «зубы») // Материалы II научно-методической конференции. Городовиковск, Калмыкия, 2014. – С. 71-73.
10. Лиджиева А.С., Сусеева Д.А. Функционирование соматических фразеологизмов в русском языке // Вестник Калмыцкого университета. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2012. №4 (16). – С. 71-74.
11. Лиджиева А.С., Мушаев В.Н. Соматические фразеологические единицы в калмыцком языке (на примере лексемы «кәл» - ноги, нога) // Материалы XX Международной конференции, посвященной проблемам общественных наук. М.: Центр гуманитарных исследований «Социум», 2014. – С. 82-85.
12. Мушаев В.Н., Лиджиева А.С. О соматической фразеологии в русском и калмыцком языках // Вестник Иссык-Кульского госуниверситета им. К.Тыныстанова. – Вестник ИГУ, Киргизия. 2014. №27. – С. 139-145.
13. Лиджиева А.С., Мушаев В.Н. О соматической лексике в калмыцком языке (на материале исследования Б.Х. Тодаевой героического эпоса

- «Джангар») // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Иссык-Кульского государственного университета им.К. Тыныстанова «Гармонизация в современных условиях глобализации и интеграции» (12-13 июня 2015 г) – Вестник ИГУ, Киргизия. Часть III. 2015. №40. – С. 71-76.
14. Лиджиева А.С., Мушаев В.Н. Функционирование соматических фразеологизмов в калмыцком языке // Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию доктора филологических наук, проф. О.Д. Бухаевой. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2012. – С. 44-46.
 15. Лиджиева А.С., Мушаев В.Н. Соматические фразеологические единицы и вопросы моделирования окружающей действительности в традиционной калмыцкой культуре // Сборник научных трудов «Россия-Монголия: культурная самобытность монголоязычных народов. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2013. – С. 122-128.
 16. Лиджиева А.С., Мушаев В.Н. Соматические фразеологические единицы в калмыцком языке (на примере лексемы «рука, руки») // Российско-монгольский лингвистический сборник [Текст] / под ред. Г.Ц. Пюрбеева. - М.: Институт языкознания РАН: Изд-во «Канцлер», 2015. – С. 389-395.
 17. Лиджиева А.С., Мушаев В.Н. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов с лексемой «голова» в калмыцком и русском языках // Сборник научных статей «Монголоязычные народы: культура, традиции, история». – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2015. – С. 65-69.